ПОДПОЛЬЕ.

Мы встрѣтили по большой дорогѣ отрядъ ссыльныхъ, въ головѣ коего шелъ одинъ *прутъ* такъ называемыхъ строгихъ или опасныхъ, подъ особымъ конвоемъ. Прутомъ называютъ одну шеренгу или одинъ порядокъ, какъ идутъ въ рядъ, гдѣ каждый человѣкъ примкнутъ правымъ плечомъ, повыше локтя, къ желѣзному пруту. Мѣра эта принимается только противу злонамѣренныхъ преступниковъ и явно угрожающихъ побѣгомъ. Пропуская отрядъ этотъ мимо себя, мы невольно обратили вниманіе на человѣка, который былъ головою выше всѣхъ товарищей своихъ: видное лицо его ничѣмъ особеннымъ не отличалось; окладистая борода съ просѣдью только показывала, что онъ уже пожилъ на свѣтѣ, а весь складъ изобличалъ избытокъ силы и здоровья.

«Что» сказалъ спутникъ мой, «вы, я вижу, также замѣтили нашего Мокрецова? Этотъ человѣкъ примкнутъ къ отряду въ нашемъ городѣ, онъ оттуда. Я его знаю хорошо; да кто, впрочемъ, его у насъ и не знаетъ; ему ужъ не въ первые доводится прогуляться такимъ порядкомъ поперегъ всей матушки Россіи, нѣсколько тысячъ верстъ въ одинъ конецъ, не считая обратной путины, которую онъ совершаетъ съ большею свободой, не скованный, а по своей волѣ. Но онъ самъ мнѣ говорилъ, что находитъ передній путь, туда, болѣе удобнымъ, чѣмъ задній, то есть оттуда, потому что на вольномъ путешествіи своемъ не обезпеченъ привалами, ночлегами и пищей, а нерѣдко приходится идти до сумерковъ на тощахъ, не зная еще въ который день недѣли достанется поѣсть, или на какомъ распутьи придется ночевать.

Я сталъ любопытствовать и спутникъ мой разсказалъ слѣдующія подробности о похожденіяхъ Мокрецова.

Я узналъ его впервые, когда онъ уже былъ коммисаромъ или класснымъ

вахтеромъ; въ званіе это онъ попалъ, за выслугу лѣтъ, изъ портовыхъ музыкантовъ; говорятъ, онъ хорошо игралъ на нѣсколькихъ инструментахъ, особенно жъ былъ скрипачомъ. По выслугѣ чина, онъ уже не могъ оставаться въ музыкантахъ, а потому и получилъ мѣсто и званіе коммисара. Первымъ дѣломъ Мокрецова, по принятіи присяги на чинъ и по облаченіи особы своей въ мундиръ со шпагою и темлякомъ, было разбить скрипку свою въ дребезги объ ножку кровати и положить зарокъ, что во всю свою жизнь не возьметъ въ руки ни гудка, ни дудочки. Видно, они ему надоѣли, или онъ считалъ братство съ ними себѣ не по чину. Его приставили куда–то къ лѣсу и къ дровамъ. Когда я его узналъ, то онъ уже лѣтъ пятокъ мѣрилъ саженями, считалъ, принималъ и отпускалъ дрова, для отопленія всѣхъ казенныхъ зданій. Онъ былъ на счету порядочныхъ людей, хотя и съ нимъ, какъ со всѣми грѣшными, случалось, что онъ затягивался не одною трубкою. Но это, въ его званіи, считалось до того обиходнымъ дѣломъ, что

сходило ему съ рукъ, доколѣ не было замѣчено упущенiй по службѣ.

Акимъ Мокрецовъ считался въ своемъ кругу хорошимъ хозяиномъ, человѣкомъ, который, въ небольшихъ оборотишкахъ своихъ водитъ счастье просто на веревочкѣ. Около костра не только можно руки погрѣть, но хорошо и щепу огребать. Акимъ разжился, обзавелся домкомъ и занимался на досугѣ торговлишкой. По какому–то нечаянному случаю — кажется, съ прибытiемъ новаго начальника — вздумали считать и повѣрять его; оказалось, что дровяная часть у бывшаго музыканта была въ такомъ же устройствѣ, какъ у большей части дровяниковъ — музыкальная. Не было никакой возможности распутать и очистить книги и счеты Мокрецова и разъяснить настоящее положенiе дровяной отчетности его, потому что въ книгахъ и счетахъ этихъ, кромѣ обширныхъ пробѣловъ и какихъ–то безграмотныхъ крючковъ, въ родѣ нотъ, не было ни толку, ни смысла. На скрипача начли столько досокъ, жердей, плахъ и полѣнъ, что все

нажитое добро его — домикъ съ палисадничкомъ и со дворомъ, вымощеннымъ досками — все пошло на покрышу недостачи; остальная часть взыску пала на двухъ покойниковъ. На мертваго сваливать хорошо. Впрочемъ, Мокрецовъ говорилъ близкимъ людямъ, что онъ обоихъ товарищей этихъ похоронилъ въ гробахъ изъ казенныхъ досокъ, а потому–де и имъ теперь можно, за услугу эту, принять поклепъ, который возвели на нихъ именно, какъ на покойниковъ. Коммисаръ былъ уволенъ по суду, отставленъ съ тѣмъ, чтобъ впередъ болѣе нигдѣ не служитъ.

Отъ службы не отказывайся, а на службу не напрашивайся, сказалъ Акимъ Андреевичъ. Что ему, однако, теперь дѣлать и куда дѣваться? Иной пропалъ бы на его мѣстѣ, но онъ нашелся. Торговыя и промышленныя дарованія его, убитыя на цвѣту невольнымъ служеніемъ вольному искусству — музыкѣ, проснулись въ немъ всею силою самобытности своей и выручили его изъ бѣды. Онъ началъ

торговать — конечно не подъ сводами и не за зеркальными окнами; также не посылалъ онъ и кораблей за море — онъ началъ торговать на рогожкѣ ломомъ, старыми гвоздями и подковами. Вскорѣ появились тутъ и замки, и ножи, и топоры; вслѣдъ за тѣмъ и табакерки, и мѣдныя задвижки, и подсвѣчники; по временамъ что нибудь изъ носильнаго платья, домашней утвари, книжонки — словомъ, всякая всячина, что только случалось Мокрецову купить задешево у отъѣзжающаго, промотавшагося, или за излишествомъ и негодностью. Вскорѣ начали появляться, рядомъ съ рогожей вещи болѣе громоздкія: дрожечки, саночки; и не успѣли люди оглянуться, какъ Акимъ Андреевичъ, при необычайной сметливости и счастіи своемъ, расторговался на диво всѣмъ прахамъ, кулакамъ и переторжникамъ, которые не вѣрили глазамъ своимъ, когда Акимъ Андреевичъ, черезъ годъ со днемъ отъ постигшаго его несчастія — насчетъ, то есть, повѣрки дровъ по книгамъ и въ наличности, и продажи, вслѣдствіе того, дома его съ

молотка — опять обзавелся домишкомъ и даже опять по прежнему — что за причуда! вымостилъ дворъ свой досками, хотя теперь уже казенныхъ досокъ, ни даже на гробъ другу, у него не было. Не смотря на такой недостатокъ мостовыхъ средствъ, дворъ былъ вымощенъ, подъ предлогомъ, что мѣсто сырое, необжитое, такъ какъ Мокрецовъ на сей разъ удалился въ глушь слободки. Домикъ его быстро выросталъ и видимо улучшался: пять оконъ на улицу, зеленыя ставеньки и рѣзные наличники, сверху солнышкомъ, снизу вѣеромъ, съ опрятнымъ полисадникомъ, въ которомъ столбики были красные, головки на нихъ зеленыя, а ребрышки бѣлыя, перекладины желтыя, тычинки зеленыя съ бѣлыми маковками и бѣлою серёдкой, образовавшей, въ черной рамкѣ, на каждомъ звенѣ полисадника изящный косоугольникъ — все это начинало возбуждать зависть и даже отчасти клевету.

Нѣсколько лѣтъ жилъ и процвѣталъ Акимъ Мокрецовъ такимъ образомъ, расторговавшись съ подковныхъ и

подбойныхъ гвоздей, будучи по временамъ предметомъ зависти и удивленія, но не подавая повода къ гласнымъ нареканіямъ. Счастье везло, торговля на рогожѣ и ручная, разнаго рода, у него процвѣтала; онъ жилъ въ довольствѣ, даже не безъ прихотей; дѣтей у него не было, только жена, но пріятелей угощалъ онъ иногда отлично.

Въ такомъ положеніи были дѣла Мокрецова, когда заѣхалъ къ нему старый товарищъ по музыкѣ, также выслужившійся до шпаги съ темлякомъ, заѣхалъ по пути проѣздомъ, переведенъ будучи изъ одного сосѣдняго городка въ другой. Навѣстивъ стараго друга и погостивъ у него, заштатный контрабасъ упомянулъ въ разговорѣ, что ему надо еще купить себѣ недорогой смущатый тулупъ; здѣсь, говорятъ, они подешевле, да и ночи становятся холодноваты. «Постой, отвѣчалъ запасливый хозяинъ; — я тебя надѣлю, что вѣкъ благодарить будешь. Обожди.»

Пришло время отъѣзда и гость напомнилъ хозяину объ обѣщаніи его.

Акимъ Андреевичъ отвѣчалъ, что тулупъ припасенъ, пошелъ въ какую–то кладовую, которыхъ у него, какъ у торговаго человѣка, было нѣсколько, вынесъ готовый, крытый, смущатый тулупъ. «Вотъ, братъ, находка твоя; за пятнадцать цѣлковыхъ возьми». Пріятель поглядѣлъ и, убѣдившись, что тулупъ стоилъ втрое дороже, сказалъ «спасибо» и отдалъ деньги. Пообѣдавъ, собрался онъ въ дорогу; напились еще разъ чаю или кофе, а хозяинъ вздумалъ проводить друга и присѣлъ къ нему въ повозку.

Путь лежалъ имъ мимо гостиннаго двора. Вспомнивъ о какой–то бездѣльной надобности, контрабасъ вдругъ проворно соскочилъ, закричалъ ямщику стой, и пробѣжалъ бѣгомъ до первой лавки. Мокрецовъ, которому выходка эта почему–то не понравилась, какъ–то встревожился, но не успѣлъ удержать пріятеля, а потому отправился слѣдомъ за нимъ и, остановясь въ дверяхъ лавки, сталъ уговаривать его кончить скорѣе дѣло и ѣхать. Какъ онъ ни торопилъ его, но одинъ изъ прикащиковъ,

всматриваясь зорко въ тулупъ, подошелъ ближе къ проѣзжему, еще посмотрѣлъ, подалъ знакъ товарищу, и чрезъ минуту лавка наполнилась сосѣдними купцами и сидѣльцами. Контрабасъ сталъ оглядываться въ недоумѣніи, рѣшился было послѣдовать неотступной просьбѣ Мокрецова и уѣхать, но уже было поздно: ему, съ гостинодворскою вѣжливостью, заступили дорогу, покорнѣйше прося обождать, не торопиться; а когда онъ сталъ было пробираться понастоятельнѣе, то и собесѣдники сдѣлались болѣе настойчивыми, и наконецъ, безъ обиняковъ, просили объяснить, отколѣ–де взялся этотъ тулупчикъ? Теперь только чиновный контрабасъ понялъ въ чемъ дѣло и струсилъ безъ мѣры. Увидавъ, что попался въ просакъ и что миновать объясненій нельзя, Мокрецовъ вошелъ смѣло въ лавку и попытался отдѣлаться наглымъ крикомъ и угрозами, но у купцовъ, правду сказать, человѣкъ этотъ былъ давненько на примѣтѣ: его подозрѣвали въ чемъ либо недобромъ, какъ торгаша, слишкомъ легко

и скоро разживающагося, и глухая намолчка винила его въ какихъ–то запутанныхъ и сложныхъ шашняхъ. Толпа обступила обоихъ, очевидно, чтобъ задержать ихъ, а вскорѣ вошелъ въ лавку приставъ, передъ которымъ всѣ разступились. Сняли на мѣстѣ показанія — и сняли также роковой тулупъ съ плечъ контробаса — который, по предъявленіи подорожной своей и вслѣдствіе принятія Мокрецовымъ всего дѣла на себя, былъ отпущенъ и уѣхалъ. Не такъ легко отдѣлался Акимъ: онъ изъ лавки этой не нашелъ дороги домой, а попалъ совсѣмъ въ иное мѣсто, о которомъ народъ говоритъ, что оно и крѣпко, да кто ему радъ?

Дѣло было вотъ какое: мѣсяца за три до этого случая, въ сосѣднемъ городѣ была ярмарка, на которой промысловый народъ — портные, что шьютъ деревянными иглами по большимъ дорогамъ, опорожнили цѣлую лавку, подломавъ или подкопавъ балаганъ. Товару украдено было на большую сумму, и о немъ доселѣ не слуху, ни духу; полагали, что воры успѣли

спустить все либо въ Москву, либо на Донъ, и по какимъ–то темнымъ слухамъ подозрѣвали тутъ Мокрецова, о чемъ и самъ онъ доселѣ не зналъ. Въ числѣ покраденаго товара былъ и роковой тулупъ, опознанный тотчасъ хозяевами лавки, въ которую судьба принесла Мокрецова товарища.

Завязалось дѣло. Акимъ путался, но настойчиво утверждалъ, что купилъ тулупъ у носячаго, котораго хотя и не зналъ, но помнилъ по примѣтамъ и надѣялся признать его, лишь бы гдѣ увидѣть. Подъ этимъ предлогомъ онъ настоятельно требовалъ свободы, доказывая, не безъ правдоподобія, что въ заключеніи своемъ ничего для открытія воровъ сдѣлать не можетъ. Дѣло считалось весьма важнымъ, по значительности всей покражи, къ которой принадлежалъ и тулупъ. Весь домъ Мокрецова объисканъ при понятыхъ, отъ чердаковъ до подполья, но никакихъ уликъ не найдено. Въ кладовыхъ, правда, было много хламу, но краденыхъ вещей не было признано; въ немногихъ только случаяхъ

сослался онъ на покойниковъ, большею же частью указывалъ прямо и вѣрно на людей, отъ коихъ каждая вещь была имъ получена. Многіе начинали убѣждаться въ невинности Мокрецова, хотя и были голоса, утверждавшіе, что осторожный и опытный передатчикъ держитъ краденыя вещи не у себя, а гдѣ — того никто не зналъ. Такимъ образомъ, несмотря на множество злорадчиковъ, завистниковъ и недоброжелателей своихъ, Мокрецовъ сталъ *правиться* судомъ; тулупъ отдали хозяину, а подсудимаго отпустили на поруки, для приведенія дѣлъ своихъ въ порядокъ и, главное, для отъисканія человѣка, у котораго роковой тулупъ былъ купленъ.

Но хозяинъ украденнаго тулупа и цѣлой опорожненной лавки, былъ рѣшеніемъ и распоряженіемъ этимъ вовсе недоволенъ. Онъ увѣрялъ всѣхъ, что Акимъ Мокрецовъ первый въ мірѣ воръ, мошенникъ и передатчикъ, и старался высвободиться изъ подъ стражи для того только, чтобъ на свободѣ скрыть послѣдніе слѣды своихъ

беззаконій. Обвиненіе это было голословное и потому не могло быть уважено. Скорбя съ необычайною назойливостью объ утратѣ своей, а еще болѣе горя ненавистью къ ворамъ, хозяинъ этотъ самъ пошелъ въ съищики по своему дѣлу и сталъ слѣдить за Мокрецовымъ неотступно: онъ нанялъ двухъ особыхъ сторожей въ сосѣднихъ домахъ, для надзора въ день и въ ночь за каждымъ шагомъ заклятаго врага своего, съ тѣмъ, чтобъ ночной надзоръ этотъ производился сквозь щели деревяннаго забора, чтобъ наблюдать постоянно, что дѣлается во дворѣ Акима, гдѣ, по какимъ–то темнымъ, давнишнимъ слухамъ, по ночамъ ходили домовые. Однажды сторожъ такъ удачно занялъ притинъ свой, подмостившись на сосѣднемъ дворѣ подъ заборомъ, что сталъ свидѣтелемъ вовсе неожиданнаго приключенія. Вскорѣ по полуночи сквозь ставень показался свѣтъ въ домѣ, стукнули двери, а потомъ и другія, и человѣкъ необыкновеннаго роста, въ которомъ легко было признать хозяина дома, вышелъ на

дворъ, подошелъ къ тому самому углу, гдѣ, позади забора, сидѣлъ притаившись соглядатай, и началъ осторожно, безъ большаго стука, разбирать и растаскивать въ сторону ломаныя телеги и дровни, колеса, полозья и другой хламъ, сваленный тутъ въ одну кучу. Покончивъ работу эту, отставной скрипачъ и вахтеръ поднялъ такъ же осторожно двѣ небольшія половицы, какими вымощенъ былъ весь дворъ, и оказалась тутъ какая–то яма, пустота. Вздохнувъ послѣ трудовъ этихъ, хозяинъ отправился въ домъ, откуда воротился съ фонаремъ подъ полою и, не выпуская свѣту, спустился въ свою преисподнюю. Жадно лазутчикъ впился глазами въ мутный свѣтъ, окинувшій потайное подземелье. Что онъ увидѣлъ тамъ — того было съ него довольно; соскочивъ тихонько съ примоста, онъ тотчасъ же пустился бѣгомъ къ тому, кто поставилъ его на часы, разбудилъ купца и звалъ его съ собою. Спѣшно отъискали еще полицейскаго чиновника и — на всякаго мудреца довольно простоты — Акимъ Андреевичъ, не чая

никакой опасности, прокопался столько времени въ подвалѣ своемъ, что его тамъ застали и захватили въ расплохъ. Не успѣлъ онъ образумиться, какъ подвалъ его наполнился незваными гостьми, которые, чтобъ не потревожить его стукомъ въ ворота, тайкомъ перелѣзли черезъ сосѣдній заборъ, по примосткамъ.

Такого открытія никто не ожидалъ, но оно рѣшило судьбу Мокрецова. Погребъ былъ наполненъ вещами и запасами всякаго рода, начиная отъ подсвѣчника и кострюли, до бронзовой люстры и серебрянаго супника, чайника и подноса; отъ сюртуковъ и тулуповъ, до цѣльныхъ половинокъ сукна и мѣховъ; отъ перстенька и булавочки, до алмазныхъ серегъ и часовъ всякаго разбора и вида — словомъ, это былъ богатый и многолѣтній складъ товаровъ всякаго рода, въ которомъ не только тотчасъ нашли часть опорожненной на ярмаркѣ лавки, но множество вещей, украденныхъ въ городѣ за много лѣтъ. Весь кладъ этотъ состоялъ изъ пріюченнаго здѣсь на время украденнаго въ окружныхъ городахъ и

селеніяхъ товара. Очевидно, что заведеніе это было давнившнее, что выгодная торговля эта составляла всегда главный источникъ дохода Акима. Товаръ продавался всегда лежалый, много времени спустя послѣ покражи, притомъ обыкновенно въ другомъ городѣ; для этого у Мокрецова были обширныя связи и сношенія, которыхъ доселѣ никто не подозрѣвалъ. Краденый товаръ пересылался туда и сюда, на обмѣнъ, иногда передѣлывался, гдѣ это было можно, и продавался осторожно, выслушавъ напередъ всѣ базарные слухи и убѣдившись, что такая–то покража не была въ свѣжей памяти и никто подъ нея не подъискивался.

Вотъ источникъ зажиточности несчастнаго, котораго вы видѣли на желѣзномъ прутѣ и о которомъ я вамъ говорилъ, что онъ уже не впервые путешествуетъ по бѣлу свѣту такимъ порядкомъ. Прибавлю къ этому, что, по поводу открытія подземелья въ новомъ домѣ Мокрецова, пошли и осмотрѣли

хорошенько старый, проданный въ чужія руки домъ его: и тамъ, подъ настилкой, открыто было подземелье, о которомъ и не зналъ новый хозяинъ; но оно было пусто: Акимъ Андреевичъ успѣлъ своевременно повытаскать или распродать все, бросивъ тамъ кой–какую дрянь, перегнившую, истлѣвшую рухлядь.

При такомъ поличномъ, Мокрецову осталось только смириться, сложить съ себя заработанный усердною апликатурой чинъ и собираться волей, неволей въ дальній путь. О немъ говорили нѣсколько времени, а тамъ, замолчавъ, позабыли бы вовсе, еслибъ онъ не позаботился вскорѣ освѣжить память по себѣ: внезапно пронесся слухъ, что огромный Акимъ, выросшій, какъ увѣряли, едва ли не на четверть, бѣжалъ съ пути ссылки, явился снова поблизости своего жительства и отъ ремесла утайщика и передатчика перешелъ теперь къ ремеслу промышленниковъ, о которыхъ упомянуто выше: портныхъ, съ вязовыми иглами, съ кистенемъ замѣсто утюга. Онъ портняжилъ такимъ образомъ

то на перекресткахъ, гдѣ лѣсистая и песчаная мѣстность была сподручна какъ для укрывательства, такъ и для удобнѣйшаго установленія проѣзжихъ, вынужденныхъ ѣхать шагомъ, то сидя подъ какимъ нибудь мосткомъ, гдѣ онъ на ночь вынималъ пару мостовинъ, поправляя опять самъ порчу эту къ разсвѣту. Товарищей онъ не держалъ, а набѣжавъ на повозку, въ ту минуту, когда она, или лошади, обрушивались въ устроенную имъ ловушку, онъ до того озадачивалъ оплошнаго ѣздока, что успѣвалъ отбирать у него кошелекъ и бумажникъ, прежде чѣмъ тотъ могъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что съ нимъ случилось. Затѣмъ Мокрецовъ тотчасъ уходилъ въ лѣсъ, довольствуясь на время этою добычей и появляясь чрезъ нѣсколько ночей вовсе въ иномъ мѣстѣ. Всѣ пути, дороги, перекрестки, все мѣстоположеніе края были ему коротко знакомы, и онъ въ одно лѣто успѣлъ запугать три уѣзда до того, что одно имя Мокрецова на всякаго наводило трепетъ. Полиція по себѣ, безъ должной и дружной помощи жителей, въ

подобныхъ случаяхъ почти ничего не можетъ сдѣлать; а обыватели до того бываютъ запуганы местью злодѣя, что укрываютъ его сами. Несмотря на это, участь всѣхъ подобныхъ людей бываетъ одинакова: ни одинъ изъ нихъ вѣку не изживалъ въ лѣсу и подъ мостами; наскакиваетъ каждая коса на камень. Та же судьба съискала и Акима Мокрецова. Ѣхалъ незначительный чиновникъ, одинъ и въ небольшой кибитченкѣ; онъ прибылъ ночью на станцію, гдѣ Акимъ по близости сшилъ себѣ ужъ не одну шубу, какъ выражались ямщики, и гдѣ, по расположенію мѣстности, ему было весьма удобно хозяйничать. Проѣзжаго не только остерегали, но упрашивали выждать бѣлаго дня, потому что слухъ вечеромъ пронесся, будто кто–то видѣлъ по близости Мокрецова, легко узнаваемаго по необычайному росту. Путникъ объявилъ, что съ нимъ нѣтъ никакихъ богатствъ, могущихъ соблазнить такого знаменитаго сборщика податей, а есть про запасъ пара добрыхъ пистолетовъ; и не смущаясь

никакими разсказами опасливыхъ ямщиковъ, что Акимъ нынѣ уже началъ выпрягать лошадей у ямщиковъ, ѣдущихъ обратно порожнёмъ, путникъ сѣлъ и поѣхалъ. Но онъ сѣлъ не въ кибитку, которую прикрылъ запономъ, а съ ямщикомъ, на козлы. Доѣхавъ въ потьмахъ до опаснаго мостика, опытный ямщикъ пріостановился, чтобъ сперва разсмотрѣть, нѣтъ ли тутъ волчьей ямы и засады, и въ это самое время, мужичище огромнаго роста, будто изъ земли выросъ, ударилъ соскочившаго ямщика дубиной такъ, что тотъ — вѣроятно, болѣе изъ предосторожности, зная, что лежачаго не бьютъ — присѣлъ на мѣстѣ; Акимъ прямо кинулся къ кибиткѣ, спѣшно отрывая запонъ. Проѣзжій выхватилъ пистолетъ и, обратившись на козлахъ, выстрѣлилъ въ разбойника почти въ упоръ; этотъ отшатнулся и упалъ, а лошади понесли. Съ трудомъ неопытный кучеръ успѣлъ подобрать возжи и мало–по–малу осадить лошадей, а потомъ воротиться на мѣсто побоища. Одинъ раненый или

контуженный, былъ уже на ногахъ и бѣгомъ нагонялъ повозку, которую теперь и встрѣтилъ; другой сидѣлъ, не могши подняться, и былъ уложенъ поперегъ кибитки. Рана, однакожь, оказалась неопасною и зажила къ тому же времени, какъ кончилось новое слѣдствіе, судъ и приговоръ; послѣдствія всего этого вы видѣли сегодня своими глазами. Во все время, что Мокрецовъ содержался въ острогѣ, жители не были спокойны и беспрестанно возобновлялась молва: «онъ бѣжалъ». Теперь остается желать только одного: чтобъ Акиму Андреевичу не удалось пробраться еще разъ на родину свою, иначе онъ — въ этомъ все увѣрены — по отчаянному озлобленію людей подобнаго рода, начнетъ жечь. Воръ, хоть стѣны да крышу покидаетъ; поджигатель — одинъ только пепелъ.